

С.Е. Вершинин*

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕДОВЕРИЕ: ПАРАДИГМЫ АНАЛИЗА,
ИСТОЧНИКИ, ФУНКЦИИ
(к постановке проблемы)**

Феномен социального недоверия в постсоветском обществе является одной из самых актуальных и вместе с тем малоизученных проблем социальной теории. Известные исследования Ф. Фукуямы, П. Штомпки, Дж. Селигмена, Т.П. Скрипкиной, В.П. Зинченко и других авторов¹ посвящены анализу различных аспектов феномена доверия, в то время как недоверие рассматривается как вторичное и негативное образование. Однако реалии перестройки и постсоветского общества свидетельствуют о том, что именно недоверие является мощным стимулятором социальных изменений и доминирующей характеристикой массового сознания в современной России. С этой точки зрения, необходима выработка региональной версии теории социального недоверия. Для этого, однако, требуется определение основных парадигм теоретического анализа данного феномена, позволяющее выявить его специфику, границы и перспективы.

1. Определение недоверия. Недоверие как сложный социальный феномен имеет когнитивную, эмоциональную и поведенческую стороны. В когнитивном аспекте недоверие является знанием о ненадежности (непредсказуемости) партнера², то есть о том, что партнер по взаимодействию может не выполнить взятые на себя обязательства, использовать полученную информацию (средства, связи и пр.) исключительно в своих интересах, манипулировать партнерами, что у него есть скрытые мотивы поведения и т.д.

Недоверие как знание может распространяться не только на отдельных индивидов, но и на социальные группы, институты, организации, общество в целом. Объектом недоверия может стать и природа, когда среда обитания человека снабжается разнообразными системами защиты от окружающей среды.

* Вершинин Сергей Евгеньевич – главный научный сотрудник отдела философии, доктор философских наук.

¹ Зинченко В.П. Психология доверия // Вопросы философии, 1998. № 7; Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002; Скрипкина Т.П. Психология доверия. М., 2000; Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004; Штомпка П. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. Центр фундаментальной социологии, 2002. Т. 2. № 3.

² Существуют и другие варианты когнитивного подхода к феноменам доверия и недоверия. Так, известный немецкий социолог Г. Зиммель, определяя доверие, считал, что оно есть среднее состояние между знанием и незнанием того человека, которому дарится доверие. (См.: *Historisches Woerterbuch der Philosophie*. Hrsg. von J. Ritter, K. Gruender, G. Gabrieli. Bd. 11. Darmstadt. 2001. S. 987). Впоследствии эта промежуточность была зафиксирована, по нашему мнению, с помощью понятия «риск». В современных концепциях доверия, например у Н. Лумана и Э. Гидденса, общим местом стал тезис о том, что отношения доверия и недоверия связаны с определенным риском.

В эмоциональном аспекте недоверие может быть разновидностью веры в несовершенство человека, доминирование отрицательных качеств (скрытности, подлости, злобности и пр.) в поведении человека и сопровождаться такими чувствами как недовольство и пессимизм. Недоверие может быть сознательной и бессознательной, индивидуальной или групповой установкой на подозрительность в отношении других индивидов и собственную закрытость. Конечные цели ориентации на такие желаемые или вынужденные состояния взаимодействия зависят от конкретно-исторических условий и культурных традиций: это может быть и борьба как соответствующее природе человека состояние («война всех против всех», «счастье в борьбе» и т.д.), и одиночество в различных вариантах («в толпе» – Д. Рисмен, «в лесу» – Г.Д. Торо и т.д.). При этом недоверие неразрывно связано с доверием: любое недоверие означает в определенном аспекте доверие к кому-либо или чему-либо, а доверие всегда имеет своим следствием недоверие. Варианты абсолютного недоверия и доверия представляют, скорее, исключение, чем правило¹.

В поведенческом аспекте деятельность, основанная на недоверии, отличается осторожностью, желанием избегать риска, действовать строго по инструкциям. Одно из наиболее точных описаний такого рода поведения дал голландский социолог Г. Хофштеде в своей теории культурных измерений. Описывая культуры с высоким уровнем избегания неопределенности, к которым относятся культуры Бельгии, Германии, Греции, Португалии, Перу, Уругвая, Франции, Японии, он указывает на такие черты как высокий уровень агрессивности, формализацию делового поведения, веру в абсолютную истину, нетерпимость к отклонениям от нормы².

В различных сферах жизни общества недоверие может выступать в соответствующих формах – как политическое, экономиче-

¹ В связи с этим обстоятельством известный российский психолог В.П. Зинченко употребляет понятие-кентавр, соединяющее одновременно оба феномена – «доверие-недоверие». Использование такого понятия основано, видимо, на бинарной оппозиции, предполагающей жесткую связанность доверия с недоверием: всякое доверие к кому-либо или чему-либо означает одновременно недоверие к тем субъектам или предметам, которые не попали в поле доверия. Однако вполне возможно существование промежуточных состояний, когда индивид еще не определился в своем отношении к другому индивиду или объекту. Формально-логический закон исключенного третьего в данном случае не отражает глубины и противоречивости социального взаимодействия.

² Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М., 2005. С. 96-97. Если мы будем, однако, сопоставлять характеристики деловых и повседневных национальных культур, представленных в различных теориях, то обнаруживаются любопытные противоречия. Так, например, предлагаемая Г. Хофштеде характеристика культуры Германии как обладающей высоким уровнем избегания неопределенности вступает в противоречие с позицией Ф. Фукуямы, с точки зрения которой Германия и Япония являются странами с высоким уровнем доверия. См. об этом: Фукуяма Ф. Доверие. М., 2004.

ское, культурное, идеологическое и пр. Проблема теоретического анализа заключается в том, чтобы выявить основные источники возникновения и функционирования недоверия, а также определить, какие из них являются определяющими на определенном историческом этапе.

2. Парадигмы анализа доверия и недоверия. Можно выделить, на наш взгляд, четыре основные парадигмы, в рамках которых возможно рассмотрение феноменов доверия и недоверия.

2.1. *Экономическая парадигма* – это парадигма полезности и рационального выбора. В данном аспекте отношение доверия оценивается как эффективное, так как позволяет достичь максимального эффекта в какой-либо деятельности при минимальных затратах. Именно в таком аспекте и рассматриваются культуры различных стран в классической работе Ф. Фукуямы «Доверие». Существование феномена недоверия здесь фиксируется с негативной точки зрения. Ф. Фукуяма, рассматривая феномен доверия в широком социокультурном контексте (как социальный капитал, способность создавать взаимосвязи по горизонтали и т.д.), трактует недоверие очень узко: он ставит знак равенства между недоверием и ростом так называемых «операционных издержек», связанных с поиском подходящего покупателя или продавца, обсуждением контракта, принуждения к выполнению контракта в случае конфликта или обмана¹. Таким образом, у этого вдумчивого автора можно обнаружить ту же асимметрию, которая наблюдается в большинстве западных работ по данной теме: доверие оценивается позитивно, а недоверию достаются только негативные характеристики. Однако такой подход не приближает к более глубокому пониманию причин возникновения и функционирования недоверия².

С точки зрения экономического «менеджмента доверия» недоверие всегда связано с существенно большими затратами, нежели доверие. Это утверждение справедливо, на наш взгляд, при учете более широкого социально-исторического контекста, например стабильного функционирования экономики и устойчивого политического режима. Однако в условиях кризисного развития общества, когда любое доверие связано с неконтролируемым нарастанием разнообразных рисков, недоверие может стать способом минимизации таких рисков и в этом своем качестве оказаться эффективной экономической стратегией. Таким образом, трактовка роли экономического недоверия может оказаться различной в стабильных и трансформирующихся обществах. Соответственно, недоверие может рас-

¹ Фукуяма Ф. Доверие ... С. 253.

² Эта ситуация напоминает ситуацию времен перестройки, то есть конца 1980-х гг., когда активно обсуждались «проблемы исторической памяти», а феномену исторического (коллективного и индивидуального) забывания не уделялось достаточного внимания. Между тем именно проблема забывания является ключевой для понимания возможностей и границ исторической памяти.

сма­триваться как легитимное в условиях кризисного социального развития.

2.2. *Психологическая парадигма* – с этой позиции исследуются предпосылки возникновения доверия индивида («базовое доверие Э. Эриксона) к самому себе, к другим индивидам и миру. В рамках такого подхода доверие описывается как позитивное отношение, которое позволяет индивиду чувствовать себя уверенно и комфортно. Однако как тогда быть с недоверием? Немецкий исследователь проблемы Р. Шоттлендер в свое время указывал на то, что доверие не само­достаточно, а находит свое воплощение в определенном состоянии, которое характеризуется такими признаками, как покой, безопасность, прочная общность¹. Следуя такой логике и трактуя недоверие как некое переходное состояние, можно задуматься над тем, существует ли вообще потребность в недоверии? Но почему тогда потребность в безопасности не может стать источником недоверия? Если существует враждебная индивиду окружающая среда (в виде природы или других людей), то условием выживания и адаптации может стать и недоверие. Э. Эриксон указывает на существование и развитие чувства базового недоверия², которое является негативной реакцией на неразвитость или отсутствие базового доверия. В рамках индивидуально-психологического подхода такая позиция представляется обоснованной. Однако если принимать во внимание более широкий исторический и социально-психологический контекст, то можно предположить самостоятельность возникновения недоверия как мотива поведения. Тогда безопасность индивидов и определенные экономические, политические, культурные общности (партии, секты, группировки) возникают и базируются уже на совершенно другой психологической основе.

2.3. *Социологическая парадигма*. Как правило, в социологической парадигме исследуется соотношение личностного доверия, то есть доверия к другим индивидам, и системного доверия, то есть доверия к абстрактным системам и социальным институтам³. Если же говорить о конкретных социологах, то, например, Н. Луман рассматривает доверие как механизм, который обеспечивает редукцию социальной комплексности и формы его существования⁴. Э. Гидденс говорит о феномене доверия в эпоху модерна, определяя доверие как редукцию опасностей, присущих определенным видам деятельности, и уточняет, что доверие связано не просто с функциони-

¹ Schottlaender R. Theorie des Vertrauens. Berlin, 1957. S. 7.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 106.

³ Правда, Дж. Селигмен считает, что индивидуальное выступает как фокус любых представлений о доверии. Именно индивид является носителем прав и ценностей, а не некая социальная группа, коллектив См.: Селигмен Д. Проблема доверия. М., 2002.

⁴ Luhmann N. Vertrauen. Stuttgart, 2000. S. 27-38; Offermann M. Buerokratie und Vertrauen: die Institution Vertrauen in der oekonomischen Theorie der Buerokratie. Baden-Baden, 1990. S. 174.

рованием социальных систем, а с их правильным функционированием¹. Однако почему недоверие не может рассматриваться точно так же? Разве различные системы социального контроля, культурные запреты, табу, санкции и другие институционализированные формы социального недоверия не служат редукции комплексности и рисков? Видимо, мировоззренческий императив позитивности социального мышления, присутствующий в различных западных социологических теориях, превращается в методологический принцип анализа и поэтому приводит к дискриминации тех или иных феноменов социальной жизни.

В рамках социологической парадигмы возможно возникновение многих других рамок анализа, например политологической. Если обращаться, в частности, к марксистской политологической традиции, то в ней подчеркивается роль классовой борьбы, являющейся постоянным источником социального и политического недоверия. Тогда, например, эгоизм правящих слоев, экономическая и политическая несправедливость становятся поводом и стимулятором развития у других социальных слоев различных отрицательных чувств, приводящих, в частности, к постоянному групповому и индивидуальному состоянию недоверия².

2.4. *Философская парадигма.* В рамках различных философских течений феномен недоверия может рассматриваться как атрибут и следствие более глубоких исторических процессов, например «кризиса нашей современности» (О. фон Больнов)³, отчуждения (К. Маркс, Ф. Энгельс)⁴ и т.д. Данные философские подходы задают не только онтологию, но и методологию философского исследования. В этом аспекте как марксистская политическая философия, так и психоанализ З. Фрейда выступают в качестве онтологически аргументированной философии подозрения. Таким образом подозрение легитимизируется и в виде социальной критики становится полноценной процедурой при анализе деятельности индивидов, групп и обществ⁵. Отметим еще одно обстоятельство. Отсутствие доверия, то есть надежности, взаимности, предсказуемости, надежды приводит к нарастанию чувств одиночества, тревоги, заброшенности и т.д. и поэтому является постоянным источником развития философии экзистенциализма⁶.

¹ Giddens A. Konsequenzen der Moderne. Fr.a.M., 1995. S. 49-50.

² Мы оставляем за рамками нашего анализа множество других политических факторов, влияющих на рост недоверия, как, например, рост преступности, международный и внутригосударственный терроризм, коррупцию и т.д.

³ Bollnow O.F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Ueberwindung des Existentialismus, 1955. S.12;

⁴ Отчуждение // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 472-473.

⁵ О социальной критике см.: Волцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999.

⁶ Если в постсоветском обществе столь сильны настроения недоверия ко всему и ко всем, то почему не допустить вероятность возникновения в недалеком будущем новой русской версии экзистенциализма?

Из сравнения четырех парадигм видно, что в экономической и психологической парадигмах недоверие оценивается скорее отрицательно, чем положительно. Лишь в социологической и философской парадигме появляется возможность рассмотреть недоверие если не в позитивном, то хотя бы в нейтральном (например функциональном) плане.

3. Источники недоверия. Если недоверие распространено во всех сферах жизнедеятельности постсоветского общества, то с неизбежностью возникает вопрос об источниках такого массового явления. Возможны, как минимум, несколько версий данного вопроса:

- историческая, предполагающая наличие политических и культурных традиций, обеспечивающих транслирование коллективных и индивидуальных стандартов подобного поведения;

- универсально-функционалистская, исходящая из функциональной необходимости недоверия в любой социальной сфере и предполагающая наличие множества достаточно автономных ситуаций, производящих это недоверие в любую историческую эпоху;

- политическая, постулирующая примат политического в жизни общества и потому ищущая истоки недоверия в особенностях политического взаимодействия и политического сознания.

На наш взгляд, наиболее приемлемым является социокультурный подход, объединяющий в себе многие элементы вышеперечисленных версий, но акцентирующий в первую очередь социологический аспект. При таком подходе можно выделить прежде всего социальные источники недоверия.

Первый социальный источник недоверия, на наш взгляд, *механизм образования социальных групп*, предполагающий различные способы групповой самоидентификации и отграничения от других групп. Условием существования группы является, в частности, сознание и признание определенной исторической миссии (выживания, захвата территории, получения прибыли, прихода к власти и т.д.). Но признание этой миссии каждым членом группы влечет за собой появление групповой солидарности и, как следствие, определенного доверия друг к другу. Миссия одновременно сплачивает – так появляется внутригрупповое доверие, и отграничивает – так появляется межгрупповое недоверие. Члены остальных социальных групп оказываются за пределами исторических задач данной группы и потому не могут рассчитывать на доверие.

Действующее групповое сознание предполагает определенную степень доверия к членам своей группы и недоверие к членам другой группы. В результате возникают различные формы недоверия – от культурного изоляционизма до враждебности. Недоверие оказывается в равной степени, подобно доверию, конституирующим фактором существования и развития социальных групп. В пользу такого вывода говорит и вечный вопрос: почему доверие завоевывается так

трудно и теряется так легко¹? Видимо, если бы доверие как определенного рода отношение не сопровождалось постоянно отношениями недоверия, такая ситуация была бы невозможной. Актуальное доверие всегда сопровождается потенциальным недоверием. В этом аспекте можно далее предположить, что недоверие является культурной универсалией, присущей в той или иной степени всем обществам и культурам.

При этом необходимо учитывать исторический аспект. В традиционном обществе при неразвитости индивидуального сознания символы доверия и недоверия закреплялись через мифы, легенды, предания и т.д. Напротив, в любом модернизирующемся обществе, когда исчезает общий для всех членов группы смысл происходящего, нарастают процессы секуляризации и индивидуализации мышления и поведения, границы недоверия смещаются, оно начинает дифференцироваться внутри социальной группы по самым различным основаниям. Это же касается не только больших обществ, но и многих других социальных групп. Недоверие перестает выполнять функцию селективной защиты от разного рода нежелательных культурных и политических нововведений и становится атрибутивным признаком социального поведения.

В связи с этим границы недоверия могут изменяться, они проходят не только по принципу «свой-чужие», но и «ближние-дальние». В виде «ближних» могут выступать члены малых групп (семьи, родов, кланов, и пр.) и разного рода контактных кругов². Тогда критерием развития общества и какого-либо типа культуры становится мера соотношения «кругов доверия!» и «кругов недоверия» в следующих сочетаниях: доверие к ближним и недоверие к дальним; недоверие к ближним и доверие к дальним, недоверие к ближним и дальним, доверие к ближним и дальним. Совпадение кругов доверия к ближним и к дальним индивидам образует такую реальность, которую Ф. Фукуяма называет «обществами с высоким уровнем доверия»³. Однако такое сочетание является скорее исключением, чем правилом для мировой истории и потому остается желанным, но малодостижимым, социальным идеалом.

Вторым социальным источником становится сам *процесс социализации* индивидов в рамках определенных социальных групп и

¹ П. Нидер постулирует два аспекта в отношениях между доверием и недоверием: доверие растет постепенно, а недоверие взрывообразно; доверие легче переходит в недоверие, чем наоборот (*Nieder P. Erfolg durch Vertrauen: Abschied vom Management des Misstrauens. Wiesbaden, 1997. S. 35*).

² Примером такого разделения может быть классическая схема немецкого социолога Ф. Тённиса, выделявшего в качестве основных видов социальных групп «общество» и «общность». (См.: *Тённис Ф. Общность и общество. М., 2001.*) Однако для целей нашего исследования более операциональным является понятие «кругов доверия» и «кругов недоверия» на основе социологического понятия «контактного круга».

³ *Фукуяма Ф. Доверие ... С. 249-434.*

культур. В ходе первичной и вторичной социализации происходит усвоение различных культурных норм и ценностей. Признание норм означает добровольное принятие определенных образцов отношения к себе, другим людям, социальным группам, обществу в целом и к природе. Воспитание и образование в сфере определенной культуры служит созданию некоторых *стандартов доверия*, которые со временем становятся самоочевидными. Такая самоочевидность порождает доверие к обществу и культуре, в которой воспитывался данный индивид, что, собственно, и является одной из конечных целей социализации. Феномен этноцентризма в частности, как раз и является следствием такого доверия к своему обществу и родной культуре. Но любой стандарт означает исключение всего того, что не соответствует принятым параметрам, и в этом смысле он оказывается принудительно-репрессивным: исключение означает недоверие к тому, что находится за пределами стандарта.

Кроме стандартов доверия, прививаются и стандарты недоверия: кому и чему нельзя доверять в определенных ситуациях. Все процессы воспитания и образования включают в себя выработку недоверчивого отношения к тому, что в данной культуре считается опасным и запретным. Как продукты социализации стандарты доверия и недоверия зачастую оказываются бессознательными («слепое» доверие или недоверие) или мало осмысленными. Таким образом, следует предположить, что в аспекте социализации происходит формирование определенных стандартов доверия и недоверия. Вместе с тем личный и групповой социальный опыт может приводить к корректировке такого доверия и недоверия.

Если следовать логике Э. Гидденса, то в предмодерновых обществах существуют четыре контекста порождения доверия: 1) родственные отношения, 2) локальные сообщества, 3) религиозные космологии, 4) традиции¹. Переход к современному обществу (модерну) означает возникновение доверия к абстрактным системам, то есть символическим знакам и экспертным системам и в этом смысле вышеуказанные контексты постепенно теряют свою связывающую силу. Эта тенденция была заметна уже в советском обществе, характерной чертой которого было культивирование доверия к обществу, то есть трудовому коллективу, коммунистической партии, профсоюзу, школе и т.д. Соответственно, доверие к себе, родственникам и друзьям/знакомым оказывалось производным от доверия к какой-либо социальной (под)системе. Доверять следовало больше другим, чем себе, то есть доверие к обществу сопровождалось недоверием к себе. «Большая семья» в различных вариантах была важнее, чем своя собственная, малая. Кроме того, эти круги доверия всегда находились в так называемом «враждебном окружении», в роли которого выступали внешние и внутренние классовые враги. В резуль-

¹ Giddens A. Konsequenzen der Moderne ... S. 129-133.

тате доверие всегда находилось под угрозой, и его надо было постоянно завоевывать и доказывать.

Кроме социальных источников, возможно выделение и гносеологических источников недоверия как определенных культурных феноменов.

Первый гносеологический источник недоверия – *скептицизм*. Отказ принимать что-либо на веру, то есть на основе догматов, без доказательств, свидетельствует о близости скептицизма как традиционного направления европейской философской и общественной мысли к научным формам мышления. Сама наука является организованным скептицизмом, так как культивирует сомнение в отношении явлений окружающего мира, требует не доверять своим органам чувств и высказываниям других людей, а проверять их с помощью экспериментов и систематических наблюдений. В сочетании с определенными историческими и техническими факторами скептицизм становится в современных обществах предпосылкой креативности и инновационных технологий.

Однако если рассматривать значение скептицизма в процессе развития европейской культуры, то оно является противоречивым явлением. В своих культурных формах скептицизм приводит к тому, что К. Ясперс назвал «разбожествлением мира», при котором «в конце концов сомнение устранило бога-творца, в качестве бытия остался лишь познаваемый в естественных науках механизированный образ»¹. Но, с другой стороны, скептицизм приводит к терпимости, осторожности, самосовершенствованию, объединению с другими людьми и честности, как это справедливо утверждает Ю.А. Тихонравов. Терпимость, по его мнению, заключается в равном отношении ко всем версиям, осторожность – в осуществлении тех поступков, результат которых наиболее предсказуем, совершенствование – в работе над собой, объединение с другими людьми требует координировать свой опыт с чужим опытом и свою деятельность с деятельностью других людей, честность – создание надежных условий совместного познания². Тогда методически отрефлектированное, систематическое, проговоренное познавательное недоверие на основе скептицизма может стать предпосылкой возникновения более глубокого и полного доверия к обществу и человеку.

Второй гносеологический источник – *идеология*. Осознание и обоснование социально-группового недоверия приводит к возникновению идеологии. К. Мангейм в своем классическом труде «Идеология и утопия» указывает: «Что касается понятия идеологии, то его непосредственно подготовило то ощущение недоверия и подозрения, которое человек на каждой данной стадии исторического

¹ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Философские науки, 1988. № 11. С. 93; Слотердейк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.

² Тихонравов Ю.А. Древний и новый скептицизм // http://www.skeptik.net/ism/new_skep.htm

развития обычно испытывает по отношению к своему противнику»¹. Здесь же К. Манхейм подчеркивает, что признаком возникновения идеологии как определенной системы взглядов стало приобретение недоверием «методического характера».

Таким образом, источником формирования недоверия в обществе становятся не только сами механизмы образования и функционирования социальных групп, но и рефлексия по их поводу – в виде разного рода идеологий. Осознание и формализация групповых интересов в виде идеологии приводит к возникновению сознательного недоверия и формированию на этой основе социальной идентичности. Особенно заметно это проявлялось в советском обществе. Л. Гудков, говоря о советской конструкции человека, отмечает: «Индивид в качестве социальной фигуры, действующего, постоянно вынужден, как краб, быть в панцире базового недоверия к реальности... В социальном плане это может проявляться в форме недоверия к другим или характерной нелюбви к себе, в ощущении неполноценности и вины, постоянной раздвоенности и догматичной категоричности, в отсутствии гедонизма и наслаждения жизнью»². Такое недоверие формализуется в виде правил поведения («Если враг не сдается, то его уничтожают» – М. Горький), клятв, лозунгов, правил поведения и т.д. Кроме того, идеология является принуждающей силой и в этом смысле она разрешает противоречия личного социального опыта и противоречивость ценностей в различных сферах социальной жизни в пользу принятых в ней принципов³. Формы этого разрешения могут быть различными – от добровольного до вынужденного доверия и недоверия.

Если же идеология в той или иной форме отсутствует, либо ее влияние на основные слои населения невелико, то возникает ситуация мировоззренческого вакуума, приводящая к массовому ощущению исторического тупика или катастрофы. Такова сегодняшняя реальность постсоветского общества, характеризующаяся тотальным историческим недоверием многих россиян к прошлому и будущему.

Недоверие существует, во-первых, по отношению к советскому обществу, во-вторых, по отношению к современному постсоветскому обществу, о чем говорят результаты различных социологических опросов. В-третьих, после краткого романтического периода «дружбы» начала 1990-х гг. наступило разочарование в «Западе», то есть в развитых странах Западной Европы и Северной Америки⁴. В-

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. С. 92. Здесь же К. Манхейм подчеркивает, что признаком возникновения идеологии как определенной системы взглядов стало приобретение недоверием «методического характера».

² Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 288.

³ О роли идеологии в советском обществе см.: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 241-267.

⁴ Одним из самых поучительных примеров здесь является жизненный путь А.А. Зиновьева: будучи интеллектуальным оппозиционером, он (как когда-то А.И. Герцен) разочаровался в Западе и вернулся обратно в Россию.

четвертых, произошло разочарование в коллективной утопической мечте о справедливом и разумном обществе. Говорить об утопии стало неприличным, хотя утопические идеалы и мечты в иной форме по-прежнему определяют жизнь большинства людей¹. Таким образом, все четыре типа обществ не представляют собой для многих социальных групп и отдельных индивидов убедительного социального идеала и потому проблема поиска национальной идеи (проекта, собственного пути развития) остается актуальной.

4. Основные функции недоверия. Если обращаться к основным функциям недоверия, то, вероятно, можно выделить следующие.

4.1. *Историческая функция.* Недоверие выполняет функцию связи времен. Существующий негативный опыт, то есть опыт, связанный с прошлым, диктует определенные формы поведения в настоящем. Поэтому недоверие связывает прежде всего прошлое и настоящее. Доверие же предполагает непрерывность определенных социальных связей и соединяет прошлое, настоящее и будущее. Доверие всегда направлено в будущее и связано с надеждой. Недоверие, напротив, не полагается на надежду, будущее выглядит здесь непредсказуемым и опасным. Поэтому акцент в ситуациях недоверия делается на настоящем. Если в трансформирующемся обществе невозможно определить, каким будет будущее, то акцент на настоящем представляется оправданным и эффективным.

4.2. *Познавательнo-редукционистская функция.* Всякое недоверие сводит реальное или возможное многообразие мотивов поведения к нескольким реальным или воображаемым. Таким образом, в ситуации взаимодействия установка на недоверие приводит к определенному упрощению в процессе познания мотивов другой стороны. Но здесь возникает своеобразная ситуация, на которую указал Н. Луман, и которую можно назвать *парадоксом недоверия*: тот, кто не доверяет, должен собирать больше информации, чем тот, кто доверяет. Однако и среди собранной информации недоверчивый человек должен выбрать ту, которая заслуживает наибольшего доверия. Поэтому он сильнее зависим от меньшей информации² и в этом смысле становится более субъективным и уязвимым.

4.3. *Контрольная функция.* Если взаимодействующие индивиды не могут полагаться друг на друга, то им необходимо постоянно отслеживать ситуацию и быть готовым к оперативному вмешательству. Это требует как напряжения сил, так и все более усложняющихся систем надзора и проверки. Системное недоверие требует контроля за самими контролерами, а затем нового контроля за кон-

¹ Подобно многим другим социальным явлениям в сфере общественного сознания произошла приватизация и дифференциация коллективных утопических представлений, а реклама стала превращенной формой утопических желаний.

² Luhmann N. Vertrauen ... S. 93.

тролерами контролеров. Так недоверие становится легитимным основанием развития бюрократического аппарата.

4.4. *Интегративная функция.* Один из традиционных способов социальной и особенно политической интеграции – объединение индивидов на основе недоверия к каким-либо группам или социальным институтам. Мифическая или реальная опасность, исходящая от «чужого», «другого», сплачивает и объединяет граждан государства, членов партии или корпорации. Политическая и социальная солидарность на основе недоверия являлась, в частности, неотъемлемой чертой функционирования советского государства и советского общества.

Попытки применить вышеизложенные соображения к реалиям постсоветского общества порождают множество вопросов, требующих дополнительного анализа. Перечислим некоторые из них.

- Если в советском обществе в большей или меньшей степени, но присутствовало политическое и идеологическое доверие по вертикали, то после перестройки оно значительно ослабло. В постсоветском обществе, по крайней мере в начале 1990-х гг., многие деловые инициативы опирались на помощь родственников, и в этом смысле экономическая и социальная роль семьи возросла. Сложившаяся ситуация требует специального анализа, так как здесь возникают по крайней мере два варианта интерпретации: а) усиление семейно-родственных связей означает откат к традициям домодернового общества, б) подобный тип связей характерен для некоторых развитых стран, например Италии, Франции, Китая, и потому свидетельствует об адаптации россиян – индивидов и социальных групп (в данном случае семей) – к изменившимся экономическим условиям. Ф. Фукуяма предлагает для характеристики промежуточных социальных взаимодействий, отличающихся от семейных отношений и отношений внутри государственных структур, термин «спонтанная социализированность», но он требует привязки к конкретным историческим условиям¹. Однако насколько это применимо к постсоветским реалиям, остается не совсем ясным.

- Обострилась проблема недоверия и в экономической сфере. Финансовые аферы, пирамиды, уход от уплаты налогов, перевод денежных средств в зарубежные банки, коррупция – это лишь некоторые аспекты проявления экономического недоверия². Здесь также возникают некоторые вопросы.

¹ Если рассматривать функции доверия, то, например Г.М. Заболотная, выделяет три основные функции доверия: поддержание устойчивости и интегрированности общества; упорядочивание и уравновешивание социальных и культурных разнообразий; конструирование вертикальных общественных отношений. (См.: Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Сер. социология, 2003. № 1(4). С. 63-73.

² Фукуяма Ф. Доверие ... С. 54.

³ См., например: Трапкова А.В. Доверие в российском малом и среднем бизнесе // Общественные науки и современность, 2004. № 4.

Во-первых, не ясно, является ли недоверие в экономике следствием образцов поведения, сформировавшихся в других сферах жизни или же оно вырабатывается в этой сфере автономно? Учитывая значительную зависимость бизнеса от государства, переход значительной части советской номенклатуры в бизнес и, как следствие, характеристику существующего строя как «номенклатурного капитализма», можно предположить, что, как и в советское время, образцы поведения из политической сфере переносятся в сферу экономическую.

Во-вторых, непонятно, какие факторы могут сыграть стабилизирующую роль. Сравнение постсоветской экономики с историей западных экономик показывает наличие в этом аспекте существенных различий. Вера в бога, которая являлась на Западе существенной предпосылкой не только социального, но и экономического доверия, не имеет сколько-нибудь серьезного значения в российских экономических отношениях. Не играет большой роли и исторический фактор: в отличие от западных обществ, где история банка, фирмы, фабрики может насчитывать несколько столетий и служить гарантом доверия, постсоветская экономика характеризуется постепенной гибелью многих прославленных советских предприятий и малым (10–20-летним) сроком существования новых, что для многих потребителей не является убедительным доказательством надежности. Многочисленные же попытки представить какие-либо торговые марки предприятий и торговых фирм как существующие «с 18... года» демонстрируют наличие отечественной культуры экономических симулякров, не отражающих реальной истории.

• Недоверие традиционно сохраняется и в политической сфере. Это проявляется прежде всего в культуре управленческого недоверия, которая проявляется в централизации, усилении формы разнобразного контроля, авторитарном стиле управления, ориентации на сохранении порядка, а не на инновации и т.д.¹ Если недоверие распространяется централизованно, то смогут ли какие-либо региональные инициативы в политике, культуре, экономике, противостоять такому распространению?

Подведем некоторые итоги.

Феномен недоверия является, на наш взгляд, самостоятельной детерминантой поведения индивидов и – в большей или меньшей степени – атрибутом любой культуры. В этом смысле он не является

¹ *Nieder P.* Erfolg durch Vertrauen: Abschied vom Management des Misstrauens. Wiesbaden, 1997. S. 38-39; Проблема соотношения доверия и бюрократии рассматривается в работе: *Offermann M.* Buerokratie und Vertrauen: die Institution Vertrauen in der oekonomischen Theorie der Buerokratie. Baden-Baden, 1990. Теории политического доверия рассматриваются в статье В.Н. Лукина «Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели», опубликованном в теоретическом журнале «Credo new», 2005. № 3 // <http://credo-new.narod.ru/current/html/12.htm>

производным от доверия, а находится с ним в диалектической взаимосвязи. Любая культура и любое общество характеризуется определенной мерой соотношения недоверия и доверия. Недоверие выступает на первый план в периоды революционных изменений и глубоких социальных кризисов. В такие периоды оно получает культурную легитимацию, становясь экономически и политически эффективным. Если же существует определенная потребность в недоверии со стороны достаточно больших групп людей в различных сферах общественной жизни, а затем возникают образцы и правила поведения в соответствии с этой потребностью, то можно, вероятно, говорить о возникновении социального института недоверия.

В постсоветском обществе наблюдается в целом отрицательный баланс между доверием и недоверием: отсутствие доверия к экономической и политической системе заменяется доверием к отдельным личностям. Но для возникновения доверия между партнерами (партиями, фирмами и т.д.) нужно нечто третье, то есть то общее, чему доверяют обе стороны. В этом аспекте проблема как доверия, так и недоверия – есть проблема выбора посредников в процессе социального взаимодействия. Поэтому стратегия выхода из ситуации социального недоверия – это поиски посредников, которыми могут быть отдельные харизматические личности, политические и культурные символы, идеальные (утопические) модели индивидуального и группового взаимодействия, национальные идеи, геополитические стратегии и т.д.¹

¹ Другими источниками доверия, как указывает Д. Травин, являются комсомольско-молодежный бизнес, студенческие и боевые «братства» // *Травин Д.* Ребята, давайте жить дружно // *Фукуяма Ф.* Доверие ... С. 723-726.